

Елена Добрынина

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Annotation

Этот город – сказка! Кто был в нем хоть раз, обязательно ощутит на себе его холодное обаяние. Дворы-колодцы, отзывающиеся эхом; широкие проспекты; старинные доходные дома. Свинцовые тучи, цепляющиеся за шпиль Петропавловской крепости, свежий морской бриз и бесконечный дождь – вечный спутник града Петрова. Сколько же загадок он хранит! Сколько неслучайных встреч обещает! Завесу одной из тайн, скрытой в старом особняке, предстоит приоткрыть Ане – страстной любительнице истории, Петербурга и приключений. Только одна ли она пытается разгадать загадку, подкинутую ей судьбой? И не станет ли Аня сама добычей опасного и хитрого охотника? Первая часть трилогии.

Елена Добрынина

На той стороне

Глава 1. Концертмейстер

Утренний поезд «Москва – Санкт-Петербург» прибывал на Московский вокзал строго по расписанию.

Полчаса назад проводница – молодившаяся женщина с ярко покрашенными вишневой помадой губами и зелеными тенями на глазах со стуком открыла дверь в купе, и громко, поставленным за годы работы на железной дороге голосом, объявила:

– Через полчаса прибываем. Доброе утро! – И прошептывала дальше с той же речью будить следующее купе.

Аня открыла правый глаз, провожая им шумную проводницу. Прибываем! Потянулась и бодро подскочила с диванчика. На верхней полке в этот раз по счастливой случайности никого не было. Соседка по нижнему месту сошла в Бологом ещё ночью.

«Можно спокойно одеться», подумала Аня и защелкнула засов двери купе.

Время поджимало, надо было поторопиться умыться, ибо за окном качающегося новенького вагона уже виднелись новостройки пригорода. На платформах, мимо которых проносился их скорый, стояли люди в ожидании электрички. Наступал очередной будний день, люди спешили на работу. На голову им сыпал мелкий октябрьский дождик, отчего пассажиры были похожи на нахохлившихся, мокрых воробьёв. Каждый мечтал поскорее оказаться в тёплой духоте вагона, чтобы согреться и высохнуть.

Насвистывая какую-то незамысловатую мелодию, с белым фирменным полотенцем на плече Аня шла по вагону к туалетной комнате, когда дверь одного из купе вдруг открылась и из неё попятился спиной человек. Конечно же, прямо на неё.

Пытаясь предотвратить столкновение, она окликнула человека.

– Эй, если вы решили практиковать хождение спиной вперед, нужно глаза на пятой точке завести. Без них комплект неполный, – и хихикнула.

Человек от неожиданности дёрнулся, пытаясь обернуться. Аня поняла, что зря она была так не воспитана. Мужчина пытался вытащить огромный то ли ящик, то ли чемодан через узкую дверь.

– Простите великодушно! – Извинилась «спина».

Ане стало неловко. Теперь ясно, почему он пятился. Вообще непонятно, как такой огромный то ли сундук, то ли ящик смог поместиться в скромном купе.

– А, давайте, я вам помогу? – Предложила Аня в качестве реабилитации за хамское высказывание.

– Ой, а Вас не затруднит? – Выдохнула спина, пытаясь вытянуть один угол сундука из узкого прохода. – Буду премного благодарен, сударыня.

Аня скривилась. Да уж, сударыня. Сударыня с неумытым лицом и всклокоченными волосами. Да ещё и остро нуждающаяся в посещении дамской комнаты.

– Не затруднит. В любом случае, если эта бандура тут застрянет, я рискую остаться неумытой. – Снова хохотнула Аня и подключилась к выдворению «бандуры» из купе.

Минут через десять они справились. Ящик перестал сопротивляться и наконец, выполз в коридор.

Вот тогда Аня и разглядела «спину». Человека нельзя было назвать старым, это бы просто оскорбило всю его суть. Высокий, сухощавый, но довольно широкий в плечах джентльмен, одетый с иголочки. Именно что, джентльмен. На его слегка устаревшего кроя пиджаке не было ни единого залома или складки. «Как будто только что из химчистки», восхитилась Аня. Как такое возможно после ночи в поезде, на узких полках, в компании с другими людьми и огромным ящиком, занимавшим добрую часть пространства в купе?

Седовласый мужчина, обладающий к тому же удивительно пронзительными серыми глазами и тонким острым носом, учтиво поклонился ей.

– Порфирий Игоревич, к вашим услугам, сударыня. – Представился.

Аня не знала, как реагировать. С одной стороны, она: неумытая, с полотенцем на плече, прямо истинный пролетарий, с другой, он: словно из XIX века появившийся. А между ними этот ящик – сундук.

– Аня, – предпочла ответить просто и добавила. – Куда ваш ящик толкать?

– В тамбур, милая барышня. – Джентльмен наклонил ящик на себя и потянул на выход из вагона, всё так же пятясь спиной как рак.

Аня толкала с другой стороны. Ящик сопротивлялся и складывалось ощущение, что он ожил и углами-щупальцами пытается зацепиться за любую поверхность.

– Ну-ну, давай, милый мой хранитель звуков, – подбадривал Порфирий Игоревич свой сундук, как живое существо. Тот слушался и сдвигался ещё на пару сантиметров. – Я – концертмейстер театра, сударыня. Этот упрямец хранит в себе все звуки всех спектаклей, оформлением коих я занимался, – пояснил джентльмен.

Когда они, наконец, вытолкали гигант в тамбур, Аня увидела за стеклом платформу вокзала.

– Черт! – Чуть слышно выругалась она.

– Сударыня, я вам премного благодарен. Без вас волшебства не случится! – Странно выразился концертмейстер и добавил. – Если будет оказия, приходите ко мне отпить кофею на Галерную улицу, дом 8/2. Обязательно заходите!

Поезд уже тормозил, люди выходили в коридор с баулами и чемоданами. Аня кивнула, бросила «До свидания!» и ворвалась в уборную, чтобы хотя бы умыться. Не на вокзале же в туалете принимать водные процедуры, ей богу.

– Обязательно приходите: Галерная, 8/2, – услышала Аня, захлопывая дверь туалетной комнаты.

Когда через пару минут умытая Аня вышла в коридор, от огромного сундука не осталась и следа. Удивительно, как он мог испариться так быстро?! «Самоликвидировался прямо», подумала Аня, пытаясь разглядеть за занавесками и мутными стеклами в окнах вагона, если не огромный ящик, то хотя бы широкую спину концертмейстера. Но по перрону сновали обычные люди, раскрывали зонтики, подхватывали свои вещи и неслись, кто куда. Ящика вместе с хозяином словно и не бывало.

Аня спохватилась, ей же тоже пора!

– Чего не выходим? – Отругала проводница. – Ну-ка, живо! Прибыли уже, освобождаем помещение!

– Да, да, сейчас, – виновато сказала Аня и заскочила в своё купе.

Стащила рюкзак с верхней полки, стала закидывать в него всё, что успела достать за время пути – носки, свёрнутые в шарик; зарядное устройство; наушники и крем для рук. Бегло оглядела купе и выскочила в коридор.

Глава 2. Конференция по истории

Аня приехала в Питер на конференцию по истории. Вообще-то она не была никаким историком, а работала обычным менеджером по продажам. Но историю любила трепетно. Даже книги предпочитала читать исторические. Поэтому, когда она увидела рекламу конференции на одном тематическом YouTube канале, не раздумывая решила ехать.

На работе взяла пару дней за свой счёт, купила билет на поезд и с одним рюкзаком рванула в Питер.

С жильём ей, казалось, подфартило. Когда она выложила в соцсети фото билета на мероприятие с хештегом #ЕдемВПитер, ей вдруг написал институтский приятель. Аня закончила полиграфический институт четыре года назад, но связь с одногруппниками поддерживала до сих пор. Раз в год, по традиции их сумасшедшая компашка собиралась в одном и том же месте – в кафе в Столешниковом переулке и делилась друг с другом, что у кого произошло за прошедший год. Аня с удовольствием ходила на эти встречи. Лишь один вопрос её бесил больше всего, когда выскочившие замуж девчонки начинали пытаться, когда она соберётся, мол, «взамуж»? А так как Ане на это ответить было нечего, то она пыталась перевести тему, отшучивалась или и того хлеще, прикидывалась слепоглухонемой. Но в целом посещать эти вечеринки ей нравилось. Мероприятия были довольно редки, поэтому перетерпеть один раз в год вопрос о замужестве, дело – малоприятное, но вполне терпимое.

Один из ее институтских друзей – Влад, который ещё в прошлую встречу рассказывал, что взял в Москве ипотеку в новостройке, вдруг написал ей позавчера и предложил на время поездки пожить в Питере в его съемной квартире.

Аня сначала удивилась. То ли тому, что Влад переехал, то ли его приглашению, но потом согласилась довольно легко. Во-первых, это Влад. Она знала его пять институтских лет и вроде бы наклонностей маньяка в нём не наблюдалось. Во-вторых, чего может бояться свободная, двадцатисемилетняя девушка, сложно себе представить. Самое ценное, что он мог потребовать от нее, она давно уже отдала добровольно. Выбор одариваемого оказался так себе, но Аня не расстраивалась. Ибо, как говорил её папенька, всё есть опыт. Какой уж есть! Чего убиваться? И потому она с радостью приняла предложение бывшего одногруппника. Да и кто откажется от халявной квартиры? «Лучше книг куплю на эти деньги». Исторических книг, конечно же. А может, даже что-то антикварное.

В последний год Аня плотно подседала на скупку печатной продукции прошлого, ой, позапрошлого уже века. Ей нравился запах старых журналов. Читая их, она окунулась в ту эпоху и, кажется, даже слышала шелест многослойных юбок в пол и стук пролетки по мостовой, окрик извозчиков и взмахи кнута над лошадьёю. Эх, вот это времена! Особенно её привлекал период правления Александра III, когда Российская Империя укрепилась и расцвела, стала великой державой, занимавшей 1/7 часть суши.

Когда Аня оказывалась в Питере... Ой, нет-нет, в Санкт-Петербурге..., потому что только так он мог тогда называться по мнению Ани, она как будто одним глазком заглядывала в то далекое и, что уж говорить, безвозвратно утраченное время. Тот век не сравнится никогда с эпохой современной. Если уж быть совсем честной, Ане иногда

казалось, что и сама она – гостья здесь и в прошлой жизни точно была жительницей Петербурга конца XIX – начала XX века. Жила в каком-нибудь доходном доме, посещала женские курсы и светские салоны, прогуливалась по Невскому проспекту, пряча свои хрупкие плечи под отороченным мехом мантию, пила кофе в Елисейском магазине, читала модные журналы на балконе своей спальни. А летом непременно съезжала на дачу под Сестрорецк, жалуясь подругам на пыль и шум столицы.

Аня тряхнула головой, сбрасывая своё задумчивое настроение. Если так рефлексировать, можно и на конференцию опоздать. Поэтому она поправила рюкзак, намотала шарф вокруг шеи поверх курточки и вышла на площадь Восстания под морозящий питерский дождь.

Ну, здравствуй, Питер!

Первый день конференции прошел отлично. Не прошёл, а пролетел, сказала бы Аня. Она только успевала записывать лекции и выступления. В перерывах, их было два, выпила кофе в буфете и слопала сэндвич.

Поэтому, когда в 17.30 последний на сегодня спикер завершил свое выступление, Аня почувствовала себя голодной и уставшей. «Надо позвонить Владу», подумала она. Пусть адрес сообщением пришлёт.

Влад долго не брал трубку. Минут через десять от него прилетело сообщение с извинениями и просьбой погулять в центре. У него, мол, рабочая встреча затянулась, зато после он заберёт её на машине. Вздохнув, решила ехать в центр, хотя на прогулку под промозглым дождём не было ни сил, ни вдохновения. Хотелось упасть на диван и задрать ноги. «Нет, думала Аня, спускаясь в метро, сначала поесть, а потом лечь».

В метро она потерялась. Звучало странно, учитывая количество ее поездок в любимый Питер. Даже посмеялась сама над собой: «Ну, Анька! Ну даёшь!»

Она знала об этой особенности питерского метрополитена. На некоторых станциях можно уехать на другую ветку. Конечно, если слушать объявления из динамика, то не заблудишься, а если зачитаться купленной в лавке на конференции новой книгой, то вполне можно и не заметить, как подземный тягач увезёт тебя на другую ветку. И потом только догадываться остаётся, как возвращаться обратно.

Глава 3. «Всяк входящему рады»

Аня начинала нервничать. Телефон нещадно садился, оповещая об этом гневными уведомлениями. Ему тоже надоело много часов записывать речи неизвестных личностей. Он устал и хотел «есть», но подзарядиться в метро негде. Запасная съемная батарея также была пуста.

Аня плутала по переходам и веткам, пытаясь вернуться в центр. Когда ей это удалось и она, наконец, вышла из подземелья метро на станции Садовая, то облегченно вдохнула свежий, осенний воздух.

Вместе с ней выдохнул и мобильник и погас окончательно. «Здравствуй, жопа, Новый год!» – Расстроилась Аня. Она устала, немилосердно хотела есть. А теперь ещё нужно искать, где хотя бы немного подзарядить телефон.

Петляя по улицам и переулкам, ориентируясь лишь на свои воспоминания, Аня пошла по улице в сторону Исаакиевского Собора, выискивая какое-нибудь интересное кафе. Такое, в которое захотелось бы зайти, лишь увидев вывеску. Но ни в одно кафе ее почему-то не тянуло. В конце концов, голод и усталость победили, и Аня решила зайти уже куда-нибудь. Дёрнула ближайшую дверь, на которой красовалась странная надпись: «Всяк входящему

рады», не успев даже разглядеть вывеску, и вошла в полутемное помещение первого этажа. Мелодично зазвенел колокольчик, оповещая персонал о прибывших гостях.

– Добрый вечер! Наконец-то! – Приветствовал Аню приятный девичий голос и добавил. – Рада вас видеть!

– Добрый! – Дежурно ответила Аня, стягивая намокшую куртку. Вряд ли подобный вечер мог быть хоть сколь либо добрым.

– Хотите сесть у окна? Там есть свободный столик. – Предложила девушка за барной стойкой, бесцеремонно разглядывая ее. Сама девушка была худенькой, выше Ани ростом, с модными розоватыми волосами до плеч – то ли бармен, то ли администратор.

– А розетка там есть? – На всякий случай уточнила Аня. Этот вопрос волновал ее больше всего. Встреча у Влада скорее всего уже закончилась и нужно было скорее зарядить переговорное устройство.

– Есть, конечно. – Улыбнулась «хозяйка» кафе.

Аня устроилась у окна и огляделась. Интересное место, подумала она. Кафе и правда, было необычным. Располагалось оно в полуподвальном этаже старинного дома, в таких обычно в давние времена устраивались лавки и конторы. Окна – массивные, и кажется, ещё родные, деревянные – были очень низкими, почти до пола. С внешней стороны улицы, кутаясь в шарфы, мимо сновали редкие прохожие, стараясь быстрее преодолеть непогоду октября. Аня облегченно выдохнула, ведь, она наконец-то находилась в тепле.

В отдалении, в самом конце улицы можно было разглядеть самое начало площади и за ней огромной глыбой закрывал вечерний небосвод мощный Исаакий – творение великого зодчего Монферрана.

Сама обстановка кафе призывала рассмотреть каждый предмет отдельно. Весь интерьер был собран как будто из огромного количества разношерстных частичек пазла. Старые, грубые и потертые столы соседствовали с удивительной формы барочными креслами. Рядом с ними приютились старинные банкетки и уютные диванчики. На стенах висели зеркала – и большие, и маленькие, но непременно в массивных, деревянных рамах. А по центру длинной стены был устроен камин. С потолка свисала массивная люстра, на которой раньше, совершенно точно, вместо лампочек расставлялись свечи. Благо, высота потолка позволяла.

Но самым удивительным было то, что в таком аутентичном месте совсем не было людей. Когда глаза привыкли к полутьме, царившей в помещении, Аня вдруг поняла, что она – единственный посетитель этого места.

– Возьмите меню. – Предложила девушка, вдруг возникшая рядом со столиком. Аня и не заметила, увлеченная изучением интерьера, как вдруг рядом оказалась официантка. – Розетка под подоконником.

Девушка все так же с интересом изучала Аню. А та копалась, доставая шнурок зарядки из рюкзака. Отыскала розетку, чувствуя на себе взгляд девушки, которая так никуда и не ушла, а стояла всё это время у Аниного столика. Аня не выдержала этого откровенного рассматривания и не глядя в меню раздражённо бросила:

– Можно мне капучино и бутерброд какой-нибудь.

– Что, и даже меню не посмотрите? – Разочарованно протянула девушка.

Аня подняла голову.

– Это обязательно? У вас же есть бутерброд и кофе?

Девушка утвердительно махнула головой.

– Ну так, давайте! – Аня начинала нервничать.

Что за день такой? Сначала загадочный пассажир в поезде со своим огромным ящиком, потом в метро заблудилась. Теперь эта странная официантка. Неужели нельзя просто принести горячий чай и какой-нибудь завалящий бутерброд, чтобы замерзший и уставший человек поел и согрелся?

– Сейчас принесу. Но имейте в виду, – совершенно серьёзно сказала официантка. – Капучино у нас по-особому рецепту. Оно позволяет видеть невидимое.

Аня уставилась на официантку. Что? Это прикол такой? Видеть невидимое. Стало даже интересно, что под этим подразумевается?

– Мне подходит, – вдруг рассмеялась. – Иногда очень полезно увидеть то, чего не видят другие.

Девушка согласно кивнула головой и удалилась к барной стойке.

Аня подключила мобильник к сети. По выключенному экрану побежала молния и это означало, что телефон заряжается. 1% – оповещал телефон. Что ж, пусть полежит, зарядится, решила Аня и посмотрела в окно.

Девушка-бармен и официант в одном флаконе принесла кофе и круассан с ветчиной и сыром. Аня недовольно поморщилась – вроде бы договаривались о бутерброде, но ничего не сказала. Какая по сути разница, в какой именно хлеб завернуть ветчину?

– Пожалуйста, ваш заказ. – Опуская чашку с капучино перед Аней на стол, отчиталась девушка. – А меню так и не посмотрите?

– Я уже заказала, зачем мне меню? – раздраженно спросила уставшая Аня.

– Жаль... – Улыбка сползла с лица. На милом личике, обрамленном розоватыми прядями, появилось разочарованное выражение. – Так было бы быстрее, но ладно..., – пробурчала девушка что-то непонятное и отошла.

Аня отпила кофе из чашки. По телу пробежала волна тепла и удовольствия. Круассан оказался на удивление свежим и хрустящим, словно его достали из духовки ровно перед тем, как продрогшая Аня открыла дверь с колокольчиком. А кофе... Капучино был и правда, особый. Нет, он был божественным и не иначе! Чуть сладковатый, хотя Аня не просила класть в кофе сахар или сироп, с едва уловимым орехово-миндальным послевкусием, пышной пеной и интересным рисунком сверху. Он был похож на какой-то фамильный герб, но Аня не увлекалась геральдикой и ничего не могла сказать о рисунке кроме того, что он был удивительно мастерски нанесен на пенку напитка. В любом случае, Аня отметила, что никогда ещё не пила такого вкусного капучино.

«Надо позвонить Владу», – подумала Аня, поднимая телефон с подоконника. Посмотрела задумчиво в окно. От капель на стекле изображение Исаакия чуть расплывалось, его каменная машина будто танцевала под дождём. Резкие тени от фонарей падали на тротуар. «Вот и увидела невидимое», подумала, усмехаясь. Эффект был очень интересный. Аня прикрыла глаза и вдруг почувствовала такую дикую усталость, что захотелось улечься прямо на этом барочном диванчике и уснуть прямо тут, в полутьме кафе, пережидая дождь....

– Аня, вставай! – Кто-то тряс ее за плечо. – Мы закрываемся. И тебе пора, время истекает!

«Откуда она знает моё имя?» – Пронеслось в голове. Видимо, она все-таки уснула. «Стыд какой», думала Аня, разлепляя тяжелые веки. А вообще, ничего удивительного: умоталась так, что выпила горячий кофе и уснула. Она схватила зарядку, телефон, немного

подсохшую куртку и поднялась из-за столика. Девушка с розовыми волосами скрылась за тяжелой портьерой, отделявшей зал от кухни. Дотопала до двери и вывалилась в дождь.

– До встречи, Аня! – Странно попрощалась с ней странная официантка откуда-то из недр кафе. А тяжеленая дверь с колокольчиком словно сама захлопнулась прямо перед носом.

Глава 4. Монферран тебя подери!

Аня протерла глаза, окончательно приходя в себя со сна. От резкой смены тепла кафе на холод и слякоть улицы по телу прошла неприятная дрожь. Девушка поежилась, поплотнее закутываясь в шарф и накидывая на голову капюшон. Дождь все еще шел, безжалостно поливая прохожих. Тяжелые, свинцовые тучи нависли над городом, спрятали луну. Спасибо городскому освещению, без него было бы совсем худо.

«Надо Владу позвонить», подумала Аня. Встреча уже, наверное, закончилась. Пора бы и ей передислоцироваться в тёплое место и лечь спать как человек, а не бродить по мокрым от дождя улицам и странным кафе. Аня попыталась включить телефон, ожидая, что пока она спала он хоть сколько-нибудь зарядился, но попытка за попыткой оборачивалась неудачей. Телефон не включался. Аню взял ужас от перспективы остаться ночевать на улице в теории имея пристанище. На практике же у нее не было самого главного в современном мире – мобильного телефона и это было очень неприятно.

Аня пошла вдоль дома, где приютилось кафе, как замороженная глядя на экран телефона, который никак не хотел включаться. За дорогой не следила, так как помнила хорошо, как отсюда пройти на Невский проспект. Но минуты текли, дождь хлестал, а Невского всё не было.

В конце концов Аня решила ориентироваться на купол Исаакиевского собора. Он был близко, в какой-то паре улиц от нее – возвышался за домами, закрывая собой небо. Но Невского проспекта, к которому девушка стремилась выйти, все не было.

Началась какая-то чехарда. Как только она отвлекалась от здания Исаакия, он оказывался то за спиной, то на другой стороне за домами, то возникал прямо перед ней в конце очередного переулка. Всё это продолжал поливать довольно противный дождь, который, казалось, усиливался с каждой минутой. Куртка промокала всё больше.

Устав кружить на месте, заблудившись второй раз за один только день, Аня снова остановилась в попытках включить мобильник, но под дождём это сделать было трудно. Ругала себя, ведь, это уму не постижимо – заплутать в самом центре города, который ты любишь и знаешь довольно неплохо. Но она словно не узнавала улиц, по которым бродила. То ли усталость, накопленная за день, сказывалась, то ли была еще какая-то причина, которой Аня не знала, но дойти до Невского проспекта никак не могла. Ей казалось, там было бы проще – множество туристов, в любое время суток работающие ночные кафе и магазинчики. А тут пустынные улицы и бесконечная вода с небес. Она снова пошла вдоль зданий, держа перед собой образ величественного собора – творенье великого зодчего. Но потом её отвлекла проезжающая машина, которая чуть не окатила ее водой из лужи. И снова собор был за спиной, а она шла вдоль незнакомой пустынной местности. Аня чертыхнулась. «Да Монферран тебя подери, что ж это такое, а?» Остановилась у одного из домов, огляделась. Почти весь дом был покрыт сеткой. Значит, в доме или идет ремонт, или он готовится к сносу.

В последние годы все больше таких домов было в Петербурге. Реставрировать все здания

было невозможно и поэтому дома укутывали строительной сеткой и оставляли их и дальше разрушаться под воздействием ветра и сырости. Печальная тенденция. Хорошо, хоть людей из такого жилья переселяли. Но все-таки это было очень грустно – старинные доходные дома, многие с богатой историей оказывались никому не нужными и продолжали разрушаться.

Угол дома, у которого стояла Аня, не был прикрыт сеткой, выставляя на всеобщее обозрение украшенный рустом кусок стены. На ней совсем рядом с проездной аркой была прибита табличка с адресом. Аня обрадовалась: так хотя бы можно понять, куда она все-таки забрела. Без электронной карты в мобильном телефоне было, конечно, сложно, но вдруг это хоть как-то поможет ей выбраться. Сквозь сумрак и пелену дождя она разглядела надпись на табличке «Галерная 8/2». «Какой-то знакомый адрес», мелькнула мысль, но тут же потерялась от очередного дуновения ветра, который заставил съежиться еще сильнее. Отчаянно хотелось в тепло.

Под порывами ветра, поскрипывая, болталась на ржавых петлях калитка проездной арки. Аня решила зайти в проем и еще раз попробовать включить телефон. Как говорится, надежда умирает последней. Там хотя бы было сухо. Она потянула металлическую решетку на себя, отворяя ее, и вошла в арку.

Глава 5. Галерная, 8/2.

Во тьме арки сразу же стихли все звуки улицы. Аня ступила шаг, другой и остановилась. Снова попробовала включить телефон, но всё было тщетно.

– Чёртова звонилка! – Бубнила она ругательства себе под нос. – Ты включишься или нет? Мне ещё Владу звонить, а я даже не знаю, сколько сейчас времени. Выброшу тебя в помойку!

Но звонилка была глуха к её мольбам и угрозам. «Розетка, наверное, в кафе была не исправна», подумала девушка. Хотя совершенно точно помнила, как по экрану отключенного мобильного телефона бежала молния – знак того, что аппарат заряжается.

Просто чудеса какие-то! Надо найти место, где можно ещё раз поставить телефон на зарядку. Например, те же заведения с фастфудом, которые на Невском работает практически круглосуточно. Но как выйти на проспект, если непонятная сила кружит её по району? Нет, надо идти. Иначе придется ночевать в подворотне. Решившись идти дальше, она сделала шаг в направлении въездных ворот. Но вдруг, словно чувствуя ее решимость, калитка, в которую пару минут назад вошла девушка, заскрипела, качнулась и будто от сильного порыва ветра захлопнулась. Аня дёрнула её, но та была заперта. Ловушка захлопнулась! Пошарила по стене портала, по прутьям калитки в поисках кнопки домофона. Если калитка закрывается, значит, как-то ее можно и открыть. Но никаких намеков на отпирающее устройство не было и в помине.

Как назло, на улице никаких прохожих, в окнах не горит свет. И только за домом напротив и чуть правее, видела Аня, прижавшись носом к прутьям ворот, зловеще повисла огромная луна. Откуда она взялась, Аня не понимала, ведь только что всё небо было затянуто чёрными, тяжёлыми тучами и плакало проливным дождём.

Какое-то странное ощущение овладело ею. Вроде бы с тобой происходит просто череда мелких неприятностей, и ты в любой момент можешь разорвать этот круг, но с другой стороны, в душе поселилось острое чувство фатальности. Не зря она именно в эти дни приехала сюда, заблудилась в метро и лишилась связи. Как будто сама судьба выстраивала вокруг неё необходимые обстоятельства. Только вот для чего?

Размышляя так, Аня решила пройти во двор этого дома. Вдруг здесь есть сквозной проход и, преодолев его, она окажется на параллельной улице. С той стороны арки никаких ворот не было, и она просто вошла в узкий, прямоугольный двор – один из многих сотен, из которых и был соткан весь центр.

Двор был узкий и длинный. Со стороны Галерной улицы это был двухэтажный особняк с парадным входом и проездной аркой. Со стороны двора к основному зданию слева буквой «Г» пристроен небольшой флигель. С правой же стороны двор ограничивала глухая стена высотой не менее пяти этажей. Кажется, такие стены без окон называют брандмауэрами. Маленький двухэтажный особняк был словно зажат между высокими домами. В дальней части двора, рядом с какими-то сараями и хозяйственными постройками дом имел сквозную арку и проход в следующий двор с выходом на параллельную улицу. Но и на этой арке висел замок. Да ещё какой – амбарный. Таких Аня не видела уже лет двадцать, с самого детства в деревне у двоюродной бабушки под Липецком.

В боковом флигеле, тоже двухэтажном, в окне на втором этаже прямо у входной лестницы горел свет. Окно было распахнуто. Это было не менее странно, чем всё, что произошло до этого. Октябрь на улице, а тут окно – старинное, деревянное – распахнуто настежь.

Терять Ане было нечего и она осторожно пошла на свет. Может быть, люди – жильцы этого дома пустят её на пару часов зарядить телефон?

Глава 6. Когда тебя ждали

В окне второго этажа флигеля на фоне льющегося из него яркого света Аня увидела два силуэта. Один из них – широкий, мужской курил терпкие пахучие папиросы. Огонёк мелькал то вверх, то вниз. Второй – маленький, девичий и хрупкий, вглядывался в полутьму двора. Повеяло чём-то знакомым, но Аня проигнорировала это чувство и подошла к окну.

– Здравствуйте! – Как можно громче сказала она. – Не могли бы вы мне помочь?!

Девичий силуэт свесился через широкий подоконник и знакомым голосом обратился к мужскому, не скрывая радости в голосе.

– Пришла! Пришла, дядюшка. А ты сомневался! Не зря я ей кофе делала по особому рецепту. – И, обращаясь уже к самой Ане, девушка приветливо замахала рукой. – Здравствуй Аня, а мы ждём тебя, ждём! Я же говорила, что ты придёшь! А дядя сомневался!

– Добрый вечер, Аннушка, – проговорил, наконец, собеседник девушки, и Аня узнала его сразу же. – Что же ты мерзнешь на улице? Проходи в квартиру. Поднимайся к нам, ну же!

Аня оторопела. Она слышала голос утреннего спутника в поезде, того самого, которому сначала нахамила, а потом помогла. Как там его звали? Странно как-то. Ах да, Порфирий Игоревич, кажется.

Только как они её узнали? И почему так странно говорит девушка? Какой кофе она ей делала?

А девушка уже исчезла из оконного проема, открывала дверь подъезда, впуская Аню внутрь. Ее розовые волосы подсвечивались светом из подъезда. И Аня узнала и второго человека – администратор и бармен из кафе, которая поила ее кофе.

– Привет. – Ничего не понимая, вымолвила Аня и вошла в открытую дверь. Внутри было тепло и пахло старым подъездом. Девушка, шлепая большими, с чужой ноги комнатными

тапочками, поднималась по узкой, судя по всему черной, лестнице на второй этаж, болтая с Аней.

– Я же говорила, что ждут тебя. Вот, дядюшка и ждет. Битый час у окна стоял, простудиться мог.

Аню взяло зло. Если она должна была попасть к официантке домой, почему же не сказать сразу? Ей бы не пришлось тогда шататься под дождём по тёмным улицам, рискуя простудиться.

– Знаю, знаю, – словно слыша её мысли, сказала розововолосая. – Только ты пойми: не могла я тебя отвести. Ты должна была прийти сама. Это как проверка, понимаешь? Много, кто пьёт кофе в моей кофейне, а доходят единицы. Значит, всё правильно, – повернулась она к Ане на площадке между пролётами лестницы и подмигнула. – Значит, всё правильно! И дядя был прав!

Аня опешила. А может, она просто вслух свое негодование высказала, но от усталости не заметила?

– Порфирий Игоревич твой дядя? – Спросила Аня.

– Да, мой драгоценный и любимый дядюшка, – улыбаясь, сказала она и остановилась у входной двери в квартиру. Толкнула её. – Ну, проходи, Аня! Дядюшка, – громко позвала она. – Встречай долгожданную гостью!

Аня прошла мимо сияющей розововолосой девушки и ступила в тёмную прихожую, за порогом которой стоял улыбающийся Порфирий Игоревич.

Глава 7. Утро вечера мудренее

Аня сидела на кухне и пила чай. Скучное освещение не давало ей полноценно рассмотреть помещение. Типичная питерская коммуналка, подумала она. С окном во двор, узкая и длинная кухня заканчивалась дверью на чёрную, судя по всему, лестницу. Именно по этой лестнице она и вошла в квартиру Порфирия Игоревича пятнадцать минут назад.

Аня прихлебывала чай из огромной кружки в синий горошек. Он обжигал губы и живительно согревал её продрогшие внутренности. На верёвке в углу сушилась промокшая насквозь куртка.

– Вот это ты вымокла, – удивилась девушка с розовыми волосами, – никак нас найти не могла. А заказала бы из меню, дело быстрее бы пошло. Я же тебе не просто так предлагала, а ты: бутерброд, бутерброд...

Розоволосую девушку звали Ася. Так ее представил Порфирий Игоревич. Он тоже был здесь же, на кухне. Сидел с другой стороны у стола, покрытом старенькой выцветшей, но чистой и целой клеенкой, и задумчиво постукивал пальцами по поверхности. Аня отметила даже, что постукивал в такт. Настоящий концертмейстер, восхитилась она, даже думает под какую-то мелодию.

Она уже смирилась с тем, что ночевать сегодня ей придётся не у Влада. Телефон так и не включился. Лежал снова на зарядке, но Ане почему-то казалось, что чуда не случится и завтра придётся раскошелиться на новый аппарат.

Ася сидела на стуле у противоположной стены, аккуратно у входа в кухню. Забралась на табурет с ногами, оперлась о стену спиной, обхватила колени и смотрела во все глаза на Аню.

– Как думаешь, дядюшка, у неё получится? – Слово о неодушевленном предмете, в третьем лице говорила о ней, Ане, юркая девчонка.

– Ох, Асенька, душенька моя, знать бы наверняка!?! – С сомнением заметил Порфирий Игоревич и задумчиво добавил. – Кабы знать, где упасть, соломку бы подстелить.

– Фи, дядя, вы говорите, как кухарка Глашка! – Возмутилась Ася. – А между тем мы здесь, и кухарок тут уже лет сто как не наблюдается.

– Задумался я, Асенька. Переживаю, как всё выйдет. – Порфирий Игоревич поднял взгляд на племянницу, отвлекаясь от своих мыслей.

– А вы не переживайте, дядя. Ещё удар хватит! Как пойдёт, так пойдёт. В любом случае, нам не привыкать ошибаться. Да и оступаться не впервой. – Вздохнула девушка.

– Время поджигает, дорогая моя! А мы так и не справились.

Аня переводила взгляд с одного участника разговора на другого и решительно не понимала, о чем они толкуют. Что у них там должно получиться? Что им и где поджигает и причём тут вообще она, Аня? У неё просто сломался телефон и по случайности она пришла именно к тому дому, где обитал Порфирий Игоревич. Или не просто? От мыслей и усталости начинала болеть голова.

– Я вам бесконечно благодарна за крышу над головой и возможность согреться, но может, вы объясните толком, что происходит? – Подала Аня голос.

Ей уже порядком осточертели эти тайны и загадки.

– Всё завтра, – решительно оборвал её Порфирий Игоревич. – Сегодня Вам, Аннушка, отдыхать надобно. Умотались вы бродить под дождём. Допивайте чай и спать, время позднее.

Аня ошарашено смотрела на него. Надо же, так вежливо и с заботой он её послал и запретил даже вопросы задавать. Но делать нечего – ночевать ей негде, телефон не работает и придется лишь покориться судьбе – остаться в этой квартире ночевать. Да и нельзя быть такой неблагодарной, кусалась совесть, люди тебя приютили, а ты тут возмущаешься. Ну подумаешь, говорят что-то непонятное, какая тебе разница? Эти милые люди дают тебе кров. А завтра ты решишь свои вопросы, купишь телефон, позвонишь Владу, пойдешь на второй день конференции. Просто будь благодарной. Аня покорно кивнула головой, мол, как скажете.

– Пойдём, покажу, где ложиться. – Встала со стула Ася. – Кружку оставь, приберу сама. – И вышла в тёмный коридор.

Аня поторопилась встать, опустила кружку с недопитым чаем в раковину и пошла следом за розововолосой Асей.

Её положили в комнате, ближайшей к кухне, напротив. Окно из неё тоже выходило во двор, освещенный одиноким тусклым фонарем. Из окна было видно крыльцо черной лестницы и противоположную дальнюю часть двора, где приютились сараи и как будто даже каретный сарай. По жестяному подоконнику окна стучали редкие капли дождя и заглядывала полная луна. В комнате топилась печь-голландка и её живительное тепло согревало и успокаивало. Печь не богата на отделку, покрашена белой краской, но видно было, что она самая, что ни на есть настоящая. Дрова потрескивали внутри и от этого было ещё уютнее. Недалеко от печи Аня увидела расстеленную постель – односпальную кровать у стены.

– Вот твоя кровать, – показала Ася место её ночлега. – Укладывайся, Аннушка.

– А ты где ляжешь? – Зачем-то спросила Аня как будто сквозь пелену. То ли чай был какой-то особый, то ли тепло от печки разморило, то ли сказала усталость, но она осоловело смотрела на племянницу Порфирия Игоревича. Ни спорить, ни доказывать, что все как-то совсем неправильно, не было ни сил, ни желания. Хотелось только спать.

Ася рассмеялась:

– А я в своей комнате, она дальше по коридору. Не волнуйся, всем места хватит, квартира большая, комнат много. Уборная в коридоре, ну это так, если нужно, – добавила Ася уже находясь в дверном проеме.

– Угу, – пробормотала Аня. Скинула с ног огромные комнатные тапки, любезно предоставленные хозяевами, стянула джинсы и прямо в своей футболке легла в постель. Удивительное дело, но бельё пахло цветами и летней свежестью, так нежно – нежно, едва уловимо и как будто очень знакомо. С этими мыслями она и уснула.

Глава 8. Странное утро

Аню разбудил стук в дверь. Подскочила, ошарашенно озираясь по сторонам. Где это она? Вся обстановка выглядела чужой и незнакомой. От печи в углу, покрашенной белой краской, всё ещё тянуло теплом.

Помещение было обставлено старинной мебелью вперемешку с новой, типовой из Икеи. От этого создавалось впечатление, что в комнате царит хаос. Кое-где по стенам на уровне лепнины поползли обои, что добавляло спальне некоторую неопрятность. Как будто именно в этой комнате давно никто не жил. В узкой её части, напротив входной двери, виднелось неаккуратно зашторенное окно. Тюль болтался не на всех крючках, был сдвинут, как будто в окно высматривали что-то, а закончив наблюдение, забыли расправить занавеску. Аня поморщилась: терпеть не могла, когда шторы так висят.

Зато хорошо было видно оконную раму, и кажется, она была родной, потемневшей от времени, с облупившейся местами краской. На фоне рамы бросалась в глаза начищенная до блеска бронзовая фурнитура. Из окна, с улицы светило солнце и виднелся клочок синего-синего неба.

Стук в дверь напомнил о себе. Аня подскочила, вспоминая, где она, и пытаясь предположить, кто стучится в двери. В одной футболке прошлепала босыми ногами к двери в коридор, выглянула из комнаты и услышала стук явственнее. Он доносился с той самой черной лестницы, через которую вчера она сама поднялась в эту странную квартиру. Только где же Порфирий, как там его, и племянница-официантка? Почему никто не спешит отворить дверь настойчивому визитеру? Выходило, что она была одна.

От черной лестницы куда-то вглубь убегал тёмный коридор. Из него, успела заметить Аня, выходило множество дверей. В конце коридора, по типовым правилам застройки доходных домов конца XIX века, должна была быть парадная лестница. Но рассмотреть коридор и квартиру Аня не успела.

Проскользнула к входной двери, в которую всё так же настойчиво стучали, и спросила неуверенно:

– Кто там?

– Открой, Аська. – Торопливо и без лишних церемоний крикнул голос за дверью. – Срочное дело к Порфирию Георгиевичу у меня.

Аня растерялась. Во-первых, она не Ася, а во-вторых, имеет ли она право впускать каких-то людей в чужую квартиру? Но с другой стороны, в квартире она была одна и только ей пришлось брать на себя роль хозяйки. А раз стучавший знает Порфирия Игоревича и Асю, значит, не совсем он им и посторонний.

Аня навалилась на дверь, дёрнула допотопный засов в сторону и распахнула тяжеленую деревянную створку.

На узкой замызганной лестнице, загораживая весь проём своей массивной фигурой, стоял двухметровый детина. Тот было шагнул в проход, но разглядев, что перед ним

неизвестная девушка с заspanный физиономией в одной футболке, отступил на шаг назад. На лице его повисло растерянно-задумчивое выражение, словно он пытался понять, не ошибся ли дверью.

– Входить будете? – Усмехнулась Аня, глядя на детину и потянула футболку к коленям. – Дует.

Детина походил на героя из сказки, скажем, например, на Ивана-дурака. Стоит и пялится на неё.

Детина, удостоверившись, что квартира та, хмыкнул и двинулся внутрь квартиры.

– Аська где? – Без предисловий спросил парень, старательно отводя взгляд от Аньки.

– Здравствуйте, для начала. – Поджала Аня губы и пошла в сторону комнаты, ставшей ей пристанищем на эту ночь. Почётную миссию закрывать дверь она предоставила парню.

– Сама бы знать хотела, – фыркнула в ответ, скрываясь за дверью комнаты.

На стене в огромных ходиках шевельнулись стрелки, потянулся цепной завод, внутри что-то затрещало и ударило боем. Циферблат показывал семь часов. Часы глухо ударили семь раз и, треща и скрипя шестеренками внутри, замолкли.

Пока часы били, Аня успела натянуть джинсы и носки, найти свой рюкзак и снять с зарядки телефон. Прошмыгнула в ванную.

Когда через несколько минут она, пытаясь включить телефон, вышла на кухню, детина уже проник туда и по-хозяйски восседал за столом. На плите грелся чайник. Ведет себя как дома, мелькнула мысль.

– Доброе утро. – таки, решил поздороваться незнакомец. – Иван.

Как символично, хихикнула про себя Аня. Может, он правда, Иван-дурак из сказки? Нет, ну не Иван-царевич же? Ане стало весело. Станный вечер перетек в такое же утро. Одни неясности и загадки.

– Аня. – Просто ответила девушка, сдерживая со всех сил улыбку. Парень покосился, но ничего на этот счет не сказал.

– Так где, говоришь, Порфирий Георгиевич? – Спросил он.

Аня пожала плечами.

– Не знаю я. Проснулась от вашего стука в двери.

– А вы, Анна, какими судьбами здесь? – Прищурил один глаз утренний гость, с недоверием глядя на неё. – Здесь случайных людей не бывает.

– А я вот как раз случайно тут оказалась, – пожала она плечами. – И Ася с Порфирием Игоревичем были так добры, что предложили мне ночлег. А что это вы допрос устраиваете? – закончила она свой рассказ вопросом. А то ишь какой, все ему знать надо.

Иван хмыкнул, что должно было означать не иначе как «ну-ну», и поднялся выключить закипевший чайник. Ее вопрос он оставил без ответа. На узкой кухне он казался слишком большим и неповоротливым, слон в посудной лавке.

Аня отвлеклась на телефон. Но всё было тщетно. Достижение технической мысли не поддавалось.

Иван буравил ее взглядом, сложив руки на груди и опершись на плиту.

– Не работает? – усмехнулся он.

– Не-а, – расстроено сказала Аня и отложила телефон на уголок стола. – Видимо, придётся новый покупать.

Иван повернулся к шкафчику и достал две чашки под чай.

– Бесплезно. – Резюмировал он, водружая кружки на стол и поворачиваясь к плите за чайником. – Да и на кой он сдался.

Аня недоуменно уставилась на собеседника. Ещё один странный тип, говорящий загадками.

– Глупости! Просто телефон старый, ему уже почти 4 года. Его время истекло. – Вздернула Аня подбородок. – Куплю в городе новый.

Иван снова хмыкнул, но так ничего и не объяснил больше. Разлил кипяток по чашкам и вдруг замер, прислушиваясь.

– А вот и наши, – только и сказал, и достал из недр старенького навесного шкафчика ещё две чашки.

Со стороны коридора послышалось движение, словно там, на той стороне распахнули окно и потянуло свежим воздухом, совсем не таким, какой бывает в городе. Потом скрипнула дверь, послышалась возня и дверь глухо захлопнулась.

– Ой-ой, это кто к нам пожаловал? – Услышала Аня голос девчонки из дальнего конца коридора. – Никак, Ванюша.

– Он и есть, – поприветствовал приближающуюся Асю Иван, как будто даже смущаясь. – А ты Аська как всегда, чувствуешь за версту.

– Ну так, способности имею, – прищурилась девушка, появившаяся в проёме кухни. – О, и Аннушка встала уже. Никак ты, Ивашка, её разбудил?

– Ну так я стучал, кто-то ж должен был мне открыть, Ась. – Оправдывался детина.

Следом за Асей в кухню заглянул Порфирий Игоревич.

– Приветствую вас, молодые люди! – дружелюбно поздоровался он. – Познакомились уже?

Вид у них был, мягко говоря, странный. Оба были одеты в старомодные костюмы, как будто только что сбежали со съёмочной площадки фильма по романам Достоевского или Толстого. На Асе было строгое темно-синее платье с рюшами вдоль ворота-стойки и кружевными белыми манжетами. Юбка у платья вся в складках, отчего талия ее и без того стройная, казалась ещё тоньше, чем была на самом деле. Розовые пряди Ася забрала в причёску и заколола под шляпкой с вуалью так, что цвета волос не было видно. В руках она держала накидку или пальто, на которой блестели капли воды. Странно, мелькнула у Ани мысль, ведь, на улице солнце. Вон даже через кухонное окно пробиваются солнечные лучи, а на небе ни облачка. Но Аня старательно отправила мысль подальше. Какой только погоды в Питере не бывает!

Костюм Порфирия Аня досконально не рассмотрела, так как он стоял за Аской, опершись о косяк двери.

– Чаевничаете? – спросил концертмейстер. – Я бы тоже с удовольствием отведал нашего чаю с травами. На той стороне дождь льёт, словно из ведра.

«На той стороне», отметила про себя Аня. Это с улицы что ли? Не верилось: кухонное окно заливало солнечным светом.

– Так я вам чашки и приготовил, – указал Иван на стол и пока ещё пустые чашки. – Только у меня к Вам, Порфирий Георгиевич, срочное дело. Надобно переговорить.

– Прямо сейчас? – Порфирий Игоревич насторожился. – Ну что ж, пройдем, Ванюша, в кабинет, раз срочное. Ася, душа моя, накрой-ка к завтраку пока. А вы, Аннушка, не скучайте.

– Хорошо, дядюшка. Только переоденусь. – Ответила Ася покорно, подмигнула и вышла

с кухни.

Глава 9. Разговор за чашкой чая

За пару минут, которые Аня успела провести на кухне в одиночестве, она успела разве что разлить по чашкам кипяток и тёмную, густую заварку из маленького, хрупкого чайничка.

– Ах, как душисто пахнет чаем! – Восхитилась Ася, возникшая на пороге кухни.

На ней уже была привычная одежда – джинсы и футболка, а поверх нее расстегнутая красная рубашка в клетку. Ася поддернула рукава рубашки и принялась доставать из холодильника яйца, молоко и батон.

– А давай-ка, мы гренок нажарим, пока дядюшка с Ванюшкой беседует, – повернула к Ане голову девушка. Её розовые волосы всё так же были заколоты в шпильки и оттого причёска смотрелась слишком инородно. Ане ничего не оставалось, как кивнуть и приняться помогать в готовке. Тем более и сама она уже хотела есть. Да и поспешить пора – скоро придет время выезжать к месту проведения второго дня конференции, а ей еще в магазин нужно, чтобы купить новый телефон.

Когда первая партия румяных, аппетитных гренок уже лежала на широком округлом блюде, на кухне появились Порфирий Игоревич и Иван. То ли они решили свои вопросы, то ли их привлек аромат с кухни, но они с удовольствием спешили за стол в ожидании завтрака.

– Как же меня утомляют эти переодевания. – Ворчал концертмейстер, присаживаясь на табуретку у стола.

– Ах, дядя, всё ещё есть шанс, что это временно. – вздохнула Ася, выставляя на стол новую порцию аппетитного поджаренного хлеба. – правда, с каждым днём он всё слабое, но кто знает... вдруг всё устроится как нам нужно. – добавила она.

– Может, объясните, все-таки. – Прервала ее Аня. – Просто мне нужно на конференцию, а телефон так и не включился. Мне бы успеть ещё купить новый.

– Не тараторь, – вдруг подал голос Иван и строго на неё глянул. – Порфирий Георгиевич все объяснит, когда время придет.

Аня недоуменно уставилась на визитера. Ишь ты, рот ей закрывать надумал. Сам-то, кто тут есть? Ещё и Порфирия неправильно обозвал. А тот даже не заметил. Все-таки, концертмейстер был немного того, ку-ку, решила Аня. Да чего уж греха таить, они всё от розововолосой Аськи до Ивана были слишком странными.

– А ты мне рот не закрывай, – вспыхнула Аня.

– Молодые люди, прекратите спор! – Сказал Порфирий. Аня даже не ожидала, что он может так говорить – строго и безапелляционно. Она покосилась на Ивана, тот сидел с видом дурака из сказки, безмятежно глядя на чайник, но она-то видела, как сжалась его рука в кулак. «Кажется, ещё немного и у меня будет враг», подумала Аня. Забавно, но немного страшновато иметь врагов среди психов. От них не знаешь, чего ждать.

– Милая Аннушка, – мягко, но твёрдо проговорил Порфирий Игоревич, повернувшись к ней и глядя прямо в глаза. – Нам пора бы объясниться, отчего вы здесь. Отчего всё так странно для вас и кажется сумасшедшим домом.

Аня зарделась: он мысли, что ли читает?

– Душа моя, послушайте, что я сейчас скажу. Послушайте внимательно. Это очень, очень важно. Вы можете посчитать меня чудиком, сумасшедшим, но к сожалению, это всё правда. То, что вы попали сюда совсем не случайно. Я вам скажу больше, не каждый вообще найдёт этот дом на Галерной. Посему все события, произошедшие с вами, – события одного

порядка, порядка важного и нерушимого. Всё неслучайно, от того, что вы заблудились в метро до того, что забрели сначала в кафе к Асеньке, а потом и сюда, в наше пристанище. – Порфирий Игоревич повёл рукой, как бы указывая на квартиру.

Аня замотала головой. Ерунда какая-то. Если бы она не пропустила свою станцию и не уехала на смежную ветку, она бы никогда не опоздала в центр. Тогда заряда телефона бы хватило на звонок Владу. И она бы не пришла в странное кафе, не пила бы загадочного капучино, который, как там, «делает невидимое видимым», и никогда бы не ночевала в странной квартире.

Аня хотела сказать всё это, открыла, было, рот, но Порфирий Игоревич сделал останавливающий жест рукой, и она смолкла. Не смогла высказать всё, что думает. Слова застряли где-то в горле.

– Прежде чем рассказать вам, душа моя обо всём, послушайте одну историю, которая приключилась совсем давно. Она не относится к связанным с вами событиям, но возможно, даст вам понимание того, что происходит сейчас.

Глава 10. Проклятие старой цыганки

1862г. от Р.Х., август, Орловская губерния

Восьмилетний мальчик смотрел в окно. Там, за прудом, раскинувшимся прямо перед усадьбой, под голубым летним небом шумел яблоневый сад. Ещё дальше, за ним притаились кусты смородины и малины.

Мальчику хотелось только одного – убежать туда, в заросли ягоды и, лёжа в теньке под кустами, любоваться небосводом. По небу плыли облака – большие и маленькие: тонкие и прозрачные, как маменькина кружевная вуаль, в которой она обычно бывала на воскресной службе, или же наоборот белые и тяжелые, словно помадка на пасхальном куличе. Наблюдать за облаками для юного барчука было любимым занятием, конечно, не считая занятий музыкой.

Музыку мальчик обожал и надо сказать, Господь не обделил его талантом слышать музыку во всем: от ласкового шёпота ветра до оглушающего колокольного звона, доносящегося по праздникам с усадебной колокольни. Все звуки этого мира звучали для него волшебной музыкой. У юного Порфиши был идеальный слух, да и играл на инструменте он виртуозно, чем приводил в восторг множество гостей в их доме. Маменька и отец гордились им и называли не иначе как юное дарование. Порфирий был младшим сыном графа Терепова, и потому мог со всей страстью отдаться обучению музыке, которую он так любил. На военную службу был записан его старший брат Алексей и Порфирий спокойно мог получить то образование, которое ему бы хотелось. И надо сказать, в семье Тереповых никто не сомневался, какой стезей пойдёт младший отпрыск. Всем всё было понятно.

Уставившись в раскрытое окно, Порфирий любовался небесами. В них тоже была своя музыка – шумели травы в поле; девки, собирающие смородину, пели что-то заунывное, печальное и мощное. В деревне, куда из усадьбы любил выбираться Порфиша со старым кучером Лукой, он часто слышал эти песни – страдания. Знойный август выдался в этом году. Часто после жаркого дня на пышущую зноем землю обрушивались целые потоки дождя. Дорога никак не сохла. А папенька давно собирался в город – нужно было решать дела с поступлением Алексея в военное училище и заодно узнать, какую цену в этот год дают за зерно.

Отец Порфирия, Георгий Львович Терепов прочно осел в деревне, в одном из уездов

Орловской губернии. Он мог смело жить и в Петербурге, давать балы и крутиться в обществе, но к 45 годам вдруг проснулся в нём интерес к земле, сельскому хозяйству и крестьянскому труду. Даже «хождением в народ» интересовался Георгий Львович, но все-таки надевать лапти и шататься по крестьянским избам графу не пристало. А потому он просто открыл школу для крестьянских ребятишек. Платил сверхурочно учителям своих детей и те, кто легко, кто не очень, соглашались на такую барскую причуду. Иногда учителя брали Порфирия с собой, и тогда юный граф, одетый нянькой Настасьей попроще, приходил в трапезную сельской церкви и старательно изучал материка, считал и выводил заточенным пером аз, буки, веди.

Часто он играл сельским детям на фортепиано, которое пылилось в углу трапезной. Оно давно рассохлось и было расстроено, совсем не такое, как стояло в их малой голубой гостиной. Оно выдавало ужасные звуки, которые били по ушам барчуку с идеальным слухом. Но Порфирий мужественно ходил в трапезную каждый раз, когда учитель звал его на совместный урок, чтобы в случае надобности сыграть крестьянским детям.

Вспоминая, как грубо играло церковное пианино, Порфирий совсем забылся. Нянька Настасья влетела в покои барина и всплеснула руками:

– Ах, Порфирыюшка, детка! Почему же вы не готовы-то? Всё зеваете, в окно глядите, а батюшка вас уже заждавшись.

– Не хочется мне ехать, Настя, – словно чуя какую-то беду, вымолвил мальчик. – Вот бы не поехать.

– Да как же так, Порфирий Георгиевич, барин? – Строго выговорила нянька и тут же добавила. – Это жиж в город, да на ярмарку! Вот же веселье, вот радость. – Настя старательно натягивала на мальчика одежду. – Там батюшка вам прикупит непременно всяческого угощения, леденцов сахарных и калачей сдобных. Там скоморохи выступают и, может даже, цирк по вечерам. – Уже мечтательно закончила она. – А в цирке всегда диковинные звери, силачи и фокусники.

– Фокусники? – В глазах мальчика загорелся интерес. – Он и зайца из цилиндра достанет?

– Непременно, свет мой, достанет! – пообещала Настасья, подгоняя мальчика. – Ну же, надевайте жилетку и бегом. Батюшка у гостевого крыльца стоят и лошади уже запряжены. Только по лестнице не неситесь! А то же ж быть беде!

Настя всегда могла уговорить. Она как никто чувствовала настроение барчука и всегда находила тот аргумент, который был нужен.

Дорога в город для мальчика пролетела незаметно. Да и от усадьбы Тереповых до уездного города было не более 15 вёрст. Батюшка беседовал со старым Лукой, спрашивая того о новостях окрестных имений: кто сколько взял урожая, какие культуры сажали соседи, когда завершили страду. Лука отвечал охотно, так как любил поговорить и хотел уважить барина.

Порфирий дремал в пролетке. Её новенькие рессоры мягко пружинили на ухабах, укачивая. Мальчик обозревал поля, небо и наслаждался пейзажами, выдумывая в своей голове всякие истории. Эти фантазии перемежались со сном, время текло размеренно и не спеша. Лошадка бежала бодро, но смиренно, поэтому править ею было в удовольствие, лошадь знала своё дело.

К вечеру добрались до города. Заселились в номера гостиницы на центральной улице городка, Лука отвёл лошадь в конюшню.

Георгий Львович Терепов не имел дома в городе, считал это глупостью – содержать целый дом, хотя сам в нем не живёшь и не планируешь. Итак, приходилось содержать особняк на Галерной улице в Петербурге, на случай, если придется возвращаться в столицу. Искать квартиру в наем было делом обычным, конечно, и даже высшее общество не брезговало арендой, но Георгий Львович не любил суеты и волнений. А найти квартиру было делом муторным и нервным. От этого у него разыгрывался приступ подагры и тогда плохо приходилось всему семейству. Кроме того, делом нелегким было и содержание усадьбы да так, чтобы она приносила доход. Потому вешать на себя еще и дом в городе, в котором бывал от силы три-четыре раза в год, граф считал делом пустым.

Привыкшие к размеренному деревенскому быту, где рано встают и так же рано отходят ко сну, Георгий Львович хотел было отложить все дела до завтра и лечь отдыхать. Но Порфирий, выспавшись в пролетке по пути в город и восторгающийся увиденным, упросил отца пойти гулять на площадь. Город очаровал его многообразием звуков. По улице то и дело ехали подвозы, пронесились извозчики на пролетках, погоняя лошадей кнутом, слышался бесконечный гомон людских голосов – настоящая какофония. Он вертел головой из стороны в сторону, разглядывая дома, прогуливающих дам и господ, мещанский люд, торговцев всех мастей, яркие вывески.

Чем ближе они подходили к городской площади, прозванной Красной, тем больше народу становилось на улице. Батюшка крепко держал его за руку. Так добрались они до начала ярмарки. В три ряда убегали вдаль по площади торговые ряды. Чего здесь только не было – от детских свистулк до еще пахнувших, свежей выделки кож. Венчал ярмарку огромный шатер, в котором, как догадался Порфирий, находился цирк.

– Папенька, а в том шатре цирк? – Решил убедиться мальчик, обращаясь к отцу.

– По всему выходит, что так, – подтвердил догадки сына Георгий Львович.

Они немного прошли по рядам. Отец повстречал несколько старых знакомых. Раскланивался с ними, здоровался, спрашивал, как дела. Порфирий недовольно топтался рядом. Ему это было скучно, его манил собой огромный разноцветный шатер. Оттуда периодически доносились возгласы то страха, то восхищения, которые заканчивались шумными рукоплесканиями и свистом.

Наконец, они добрались до входа в цирк. Начало смеркаться, и служители зажгли у входа газовые рожки. Рядом за стойкой стоял старик и продавал билеты.

Видя, как заинтересовал цирк мальчика, Георгий Львович решил пойти ему на уступки и отвести его на выступление. Билетер выдал им контрамарки и попросил ожидать начало следующего сеанса.

Представление захватило Порфирия. Он во всё глаза смотрел на акробатов, клоунов и дрессировщиков. Но больше всего его восхитился выступлением фокусников. Он читал об этом в книгах, но даже представить себе и не мог, насколько это было удивительным. Казалось, из ниоткуда, прямо из воздуха чародей доставал цветные ленты, пластиковые цветы. А когда помощница, изящно кружась вокруг волшебника, принесла ему чёрный пустой цилиндр, у Порфирия вообще захватило дух. Он замер и ахнул, когда лицедей погрузил руку в шляпу и совершил манипуляции руками и вдруг выудил что-то белое. Это был кролик, самый настоящий, живой кролик! В зале раздались аплодисменты.

Когда выступление закончилось, зрители столпились у входа, пытаясь выбраться из шатра. Порфирий, находясь в каком-то очаровании, смиренно ждал очереди выйти. Как

только они с отцом преодолели занавески, служившие входом в сам шатёр, снова образовался людской затор. Впереди, за чужими спинами они слышали ругань. Смуглый цыган в красном сафьяновом жилете спорил с посетителем цирка. Ни Порфирий, ни его отец не могли бы дословно сказать, о чем и был спор. Так шумела и улюлюкала толпа, подначивая участников. Они слышали только перебранку и цыганские слова, вперемешку с воплями посетителя. Образовалась толпа зевак, которые с удовольствием следили за исходом перепалки.

Вдруг Порфирий услышал какой-то шелест сзади, обернулся и заметил мальчишку-цыгана. Долговязый с чёрными, вклокоченными волосами, он был едва ли старше его самого. Слух его сыграл злую шутку и Порфирий явственно увидел, как юный цыганчонок копается в ридикюле степенной матроны, которая тоже была увлечена скандалом.

Порфирий дёрнул отца за рукав и вдруг, сам от себя не ожидая, завопил, что есть мочи:
– Вор! Вор! Держите вора!

Звонкий его голос пронесся над толпой и на секунду всё звуки смолкли. Порфирий даже услышал, как шелестят листья на деревьях чуть поодаль, с краю площади. Там начинался городской сад. Ещё через секунду всё смотрели на подростка-вора. Женщина, чей ридикюль подвергся вероломному нападению, истошно завопила. А потом начался сущий бедлам! Откуда-то от ярмарочных рядов бежал городской и яростно свистел в свисток, болтавшийся на верёвочке на его шее. С другой стороны, от городского сада бежали полицейские. Цыганчонок заметался, но люди окружили его плотно, пытаясь схватить. Вдруг в толпу ворвался тот самый цыган в красном жилете, что-то крича на своём языке пацану. Тот юркнул между двух матронушек и был таков.

– Так это ж Гришка-конокрад, – вдруг осенило какого-то зеваку. – Он у купца Мохова позавчера увёл за ночь двух гнедых!

Толпа гулко зашумела. Молодчики кинулись к Гришке, пытаясь скрутить. Гришка брыкался, откидывая, откидывая их, ругался на своём языке. Но подоспели полицейские, цыгана скрутили и куда-то увели.

– Пойдёт теперь, стервец, на каторгу! – сказал кто-то из толпы. – Сколько лошадей покрали.

Порфирия накрыл ужас. Он помнил из литературы стихотворение Лермонтова про каторжника, читал про это, но впервые в своей маленькой жизни столкнулся с тем, что кого-то по-настоящему могли отправить в ссылку. Толпа все еще живо обсуждала произошедшее событие, но постепенно начала расходиться. На месте, где только что толкались разгоряченные парни, Порфирий вдруг увидел какой-то блеск. Нагнулся и поднял с затоптанной пыльной земли кольцо с темно-красным камнем. Не зная, что делать с ним, машинально покрутил в руках.

Георгий Львович вдруг спохватился, взял Порфирия за руку и поспешил увести с площади.

– Загуляли мы с тобой, Порфиша, – болтал его всегда немногословный отец. – А между тем, давно в постель пора! Завтра день суетный, долгий, дел предстоит множество.

Мальчик поспешил за отцом. Кольцо так и осталось лежать в его маленькой сжатой в кулак ручке. Порфирий не знал, что с ним делать, поэтому просто сунул его в карман в тайне от отца.

Полночи мальчик не спал. Все лежал на узком диванчике, слушал басовитый храп отца и тонкое посвистывание старого Луки в углу на сундуке и всё думал, думал. Ему представлялась сырая темница и цыган в красном стеганом жилете, который громыхал кандалами. Он ходил по кругу, словно пес на привязи, и звенья толстой цепи звенели, перестукиваясь друг о друга. А потом он кидал злой взгляд на мальчика и требовал вернуть кольцо. Порфирий просыпался в холодном поту, понимал, что ему привиделся кошмар и пытался успокоиться. Минуты текли, шелестели в циферблате стрелки часов и под их мирное тиканье Порфирий, наконец, уснул.

Весь день лил дождь, и Порфирий с Лукой сидели в номере уездной гостиницы. Отец ушёл с самого раннего утра решать насущные дела, а их оставил. Порфирий был рад этому. Настроение было грустное и даже вчерашнее представление померкло под воспоминанием о Гришке-конокраде. Про злосчастное кольцо он совсем забыл. Порфирий чувствовал себя отчасти причастным к тому, что цыган был пойман. Но это не вызывало ни гордости, ни радости. Кого-то, даже если он это и заслужил, могли отправить на каторгу. Мальчик пялился в привезённую из дома книгу, горестно вздыхал и думал.

– А расскажи сказку, Лука! – Попросил он.

Старый кучер был только рад греть бока на сундуке у печки, а не таскаться по непогоде и потому с радостью принялся плести байки.

Утром следующего дня Порфирий проснулся от того, что солнце целовали его в нос и глаза. Будто маменька, оно ласково касалось и щекотало кончик носа.

Батюшка, вернувшийся вчера довольно поздно, когда уже стемнело, был свеж, бодр и застегивал сюртук.

– Порфиша, сынок! Просыпайся. Нужно спешить. Сегодня уезжаем после обеда. А потому и нужно ещё успеть в писчебумажный магазин. Иван Фёдорович список написал, что нужно прикупить к твоей учёбе. А мне ещё ко всему нужно визит нанести твоей двоюродной бабке. Матушка для неё передала письмо и гостинцы.

Дверь скрипнула и в номер ввалился Лука. В одной руке он нёс штиблеты Георгия Львовича, а во второй держал какой-то свиток.

– Вот, батюшка, Георгий Львович, штиблеты начистил на углу у площади. Хорошо чистят, заразы. Гуталин у них знатный! Нашему и в подметки не годится, – делился впечатлениями Лука. Замер, оценил свою же шутку, и улыбнулся в усы. – Инштрумеет особый имеют. Заодно у мальчишки газет прихватил. Свежие!

– Благодарю, Лука, свежая пресса очень кстати. – Разлился благодушной улыбкой отец. – Вот, по чему я страдаю в нашем глухом имении, так это по свежим газетам.

Георгий Львович принял печать из рук кучера и уселся в кресло. Развернул свиток. Это оказалась скрученная в трубку газета.

Георгий Львович развернул ее и вслух прочел заголовок на первой полосе:

– При попытке к бегству был застрелен осуждённый и сосланный на каторгу конокрад. – отец запнулся и замолчал.

Услышав это, Порфирий выкрикнул:

– Папенька, это тот? Тот самый?

– Ну что ты, Порфиша, – смутился Георгий Львович, закрывая газету и складывая ее во внутренний карман сюртука. – Почему же сразу тот? Да и вообще, о том ли думать? Нам ещё в лавку надобно и визит нанести, ты помнишь же. Собирайся поживее!

Отец перевёл взгляд на кучера и стал раздавать тому указания:

– Лука, пока мы будем с Порфирием отсутствовать, ты погрузи вещи. После обеда двинемся в путь. Непременно надобно дотемна вернуться.

Лука с готовностью закивал головой:

– Будет исполнено, барин. К вашему возвращению будем-с готовы.

Порфирий находился в странном состоянии. Вроде бы он слушал то, о чем говорят батюшка и слуга, но мысли его всё же были заняты тем беднягой-конокрадом. Он машинально следовал в лавку с батюшкой, а сам был словно не здесь. В магазине мысли его несколько оживились. Среди полок с книгами, тетрадками и перьями, он забыл обо всём на свете. В просторной светлой комнате на прилавках стопками лежали разные учебные принадлежности – контурные карты, альбомы для черчения и рисования, прописи для малышей и вкусно пахнущие свежей краской разлинованные тетради. В шкафах расставлены были всевозможные учебники и несколько стенов занимало внеклассное чтение. Отец разрешил Порфирию взять книгу, и Порфирий погрузился в мир литературы, выбирая, что бы такое взять. Его внимание привлекла книга о Робинзона Крузо, которую в итоге и забрал с собою мальчик. Книга пахла типографской краской, а сафьяновая её обложка была приятна на ощупь.

Порфирий нёс книжку в руках, не желая расставаться с нею. Мысли о каторжном выветрились и в голове ребёнка было только предвкушение от встречи с новым фантазийным миром.

Они уже подходили к гостинице, когда от прохожих, снующих по своим делам мимо подъездного крыльца, вдруг отделилась маленькая сторбленная фигура в черном одеянии. Увидев их, она зычно закричала, от чего Порфирий с отцом буквально замерли на месте, остолбенев. В крике этом, надрывном и таком горьком, слышалось столько боли, столько ненависти, что мужчина и мальчик неотрывно смотрели за старухой, которая двигалась прямо к ним.

– Вот ты! Ты, что виноват в смерти моего сына! Мэ тут накамАм! (1) Пусть небеса покарают тебя, проклятый мальчишка! Тэ скарИн ман дэВэл! (2) – Кричала она, словно обезумев, и тыкала в сторону Порфирия грязным, скрюченным указательным пальцем.

Волосы на голове мальчика зашевелились от ужаса при виде старухи, ладошки покрылись липкой влагой. А она сверлила его взглядом и злобно выплевывала в него страшные слова.

– Будешь ты вечно жить между мирами и нигде тебе не будет покоя! Везде ты будешь гоним и преследуем! Ту ман шунЭса? (3) Псы, которые убили моего мальчика, – старуха завывала особенно страшно, – будут гонять тебя во всех временах! Будешь ты привязан к дому, а дома иметь не будешь.

Порфирий, глядя на нее во все глаза, замер, хотя ему хотелось закричать, что есть силы, и бежать, бежать от её проклинающего взгляда. Первым спохватился отец, он схватил сына на руки, как совсем младенца, и практически бегом устремился в гостиницу.

Этот ужас, который так и не вырвался ни слезами, ни криком, словно застрял в душе, в мыслях, в горле мальчика. Он так и сидел на месте, пока Лука торопливо носил вещи в пролетку, а отец отправлял посыльного с письмом и гостинцами к родственникам.

Через полчаса они уже ехали по улицам маленького уездного городка. На лице Георгия Львовича читалось беспокойство. Сын так и не сказал ни слова с того момента, как им преградила дорогу старая цыганка. Терепов жалел лишь о том, что не унес Порфишу раньше, что позволил старой карге напугать мальчика, но назад не вернешь, и ему оставалось лишь поскорее увезти его домой в имение.

К концу пути у Порфирия началась лихорадка, да такая, что мальчик горел и метался по пролетке. Отцу даже пришлось держать его, дабы на полном ходу ребенок не вывалился из повозки.

Когда на закате на горизонте появилась крыша усадьбы, Георгий Львович выдохнул – дома!

Только они остановились у крыльца, как он подхватил мальчика на руки и понес в дом, на ходу отправив Луку за местным лекарем.

Лихорадка бушевала целую седмицу. Настасья, горестно вздыхая, ни на минуту не отлучалась от постели мальчика. Надежды таяли с каждым днем, а доктор только разводил руками, мол, я сделал все, что смог, остальное – воля Божья.

Через неделю рано утром Порфирий проснулся без температуры, словно ее и не бывало, и попросил у няньки пить. О недельной лихорадке напоминали только бледность, сухость губ и отсутствие сил. Но для всего семейства Тереповых было невероятным чудом, что Порфиша остался жив.

** Я тебя ненавижу

** Чтоб тебя Бог покарал!

** Ты меня слышишь?

Глава 11. Перстень с рубином

Аня заслушалась, совершенно забыв о времени. Так и держала чашку с давно остывшим чаем в руках, а в голове плыли картинки – живое отражение рассказа Порфирия Игоревича. Она понимала, что мальчик Порфиша – это он сам. И совершенно не понимала, для чего сейчас ей рассказывают эту то ли быль, то ли сказку.

– Понимаю, вы, Аннушка, в недоумении: отчего вам слушать все это, но я сейчас поясню, – сказал Порфирий Игоревич, в который уже раз словно читая мысли, и достал из ниоткуда, будто бы тот самый фокусник из рассказа, массивный золотой перстень с огромным кроваво-красным рубином в центре, водружая его прямо на стол.

Аня замерев смотрела на кольцо. Верила бы она во всякую магию, обязательно бы подумала, что кольцо не простое. От него невозможно было оторвать взгляд, оно манило и притягивало к себе все внимание. Грани рубина переливались, создавая внутри камня эффект движения. Аня помотала головой.

– Манит. – Словно подтверждая ощущения Ани, сказала Ася. – Оно на всех так действует. Точнее не на всех, а на всех нас. Значит, и ты – одна из нас.

– Каких нас? – Усмехнулась Аня, начиная сердиться. Что за ерунду она опять придумывает? Просто кольцо, и вправду, необычное и притягивает к себе взор.

– Оно притягивает взор только таких, как мы, – снова продолжила ее мысли розоволосая девушка. – Тех, кто может ходить между мирами.

Что? Это что за сказки!? Сейчас Аня уже не шутила. Нет, история из детства Порфирия

Игоревича, конечно, красивая, но какие пролетки? Какие усадьбы и слуги? Порфирию же от силы лет 60, а то и меньше. В то время Великая Отечественная война уже закончилась, когда он родился.

– Послушайте, Аннушка, – мягко, но настойчиво продолжил Порфирий Игоревич. – Эта история имеет продолжение. После той болезни, казалось, что вся жизнь моя вошла в привычное русло. Вскорости возвратились мы в Петербург, на Галерную, в собственный особняк. Я учился музыке, брат Алеша поступил в военное училище. И все бы ничего, но, когда мне исполнилось 18, я решился съехать из отчего дома. Хотелось вольной жизни, если можно так сказать. – Концертмейстер замялся, словно смущаясь. – И вот собирая вещи, я вдруг увидел в давно забытой шкатулке в секретере этот перстень. Вспомнил о той старой истории, примерил кольцо, и оно оказалось впору. Я носил его, мне очень нравилось, как переливается камень в золотой оправе, как кроваво отливает рубин на солнце. Однажды после очередных юношеских посиделок я шел под утро на квартиру и, проходя въездную арку, покрутил кольцо на пальце. Это вышло само собой, я думал об одной даме, которой на тот момент принадлежало мое влюбленное сердце. В ту же минуту что-то произошло, и я увидел, как из арки на меня несется огромная махина. Тогда я не понимал, что это был обыкновенный грузовой автомобиль, который в то утро 1982 года выезжал со двора очень рано, чтобы успеть развести в магазины хлеб. Я тогда не успел ничего разобрать, отпрыгнул в сторону, кольцо крутанулось на пальце и видение пропало. Я подумал, что перебрал лишнего и на утро позабыл обо всем произошедшем.

Прошло еще несколько лет. В тот вечер я возвращался из театра. И был в совершенно трезв. У входа в арку меня ждали. Они попытались напасть на меня, оглушили, но на счастье, из своей комнатухи вышел дворник и поднял шум. Нападавшие скрылись. Дворник притащил меня в свою коморку в проходной арке и отправился за городом. Я лежал при тусклом свете лампы и пытался встать, снова случайно провернул кольцо на руке и вдруг оказался в совсем другом месте – в передней дома на Галерной. Встал, вышел в парадное, прошел во двор и удивился случившимся переменам: во дворе, там, где раньше стоял дровяной сарай и красовалась выгребная яма, стояли странные механизмы. Потом уже я понял, что это были автомобили. В окнах горел непривычно яркий свет, а сам этот двор ярко освещен. Вечер был поздний, но по двору ходили люди в странной одежде.

Порфирий Игоревич вздохнул и продолжил:

– Как-нибудь позже я обязательно расскажу Вам, Аннушка, все подробности моих скитаний. Сейчас скажу лишь, что с момента, когда я понял, что кольцо помогает перемещаться во времени и пока поверил в это, прошло долгое время. Я держал свой секрет в тайне. И сейчас, если опустить ненужные пока подробности, нам очень нужна Ваша помощь, милая барышня.

– То есть, вы перемещаетесь во времени? – Переспросила Аня. – Теперь понятно.

Ей ничего не было понятно. Мало того, это откровенно походило на бред. Она чувствовала, конечно, что попала в странную компанию, но в то, что массовый психоз этих людей достиг таких высот, отказывалась верить.

– Очень занимательная история, конечно, но, к сожалению, мне пора. Скоро лекции начнутся, а я ещё с телефоном не решила вопрос. – Сказала Аня так, словно говорила с буйными пациентами «желтого» дома.

Поднялась из-за стола, допила чай и поставила кружку в раковину.

– Порфирий Игоревич, благодарю за кров и уют, но, как говорится, – Аня сделала

книксен, – пора и честь знать. Пойду за своими вещами.

Ася и Порфирий Игоревич молча смотрели ей в след.

– Если уйдёт, то туда ей и дорога. – Буркнул молчавший всё это время Иван.

– Ну, куда она теперь уйдёт, Вань? – Мягко возразила Ася. – Колечко не отпустит.

Аня собрала свои скромные пожитки в рюкзак, обулась и собралась выйти из квартиры.

– Всего вам хорошего, благодарю от всей души. Можно не провожать, дорогу найду. –

Простилась Аня и вышла на чёрную лестницу.

– Догнать её? – Спросил Иван.

– Да ну, – зевнула Ася, – сама воротится.

Она встала со стула и, подойдя к окну, выглянула во двор. По нему, закинув рюкзак за спину, решительно шагала Аня.

Глава 12. Принятие как последняя стадия

Аня была зла. Мало того, что кучу времени потеряла, выслушивая всякие несомненно интересные, но бесполезные сказки, так ещё и с телефоном, судя по всему, уладить не выйдет, слишком много времени – успеть бы на конференцию.

Пересекла двор решительным шагом и направилась к арке. Солнце светило ослепительно. На ясном октябрьском небе не было ни облачка. «Откуда же вода на одежде Порфирия и Аськи?», сверлила голову мысль. Но Аня в очередной раз отмахнулась от неё. Не хватало ещё поверить, что сегодня утром они пришли из XIX века, где шёл дождь. Тьфу, зачем я об этом думаю? Спешу, Аня, время поджидает. Перед самым входом в арку Аня обернулась и мельком взглянула на окно кухни. В нём виднелся женский силуэт.

Девушка вошла в темноту и увидела, что проход закрыт. Не просто решётка ворот заперта, сами ворота были заколочены какими-то досками. В просвет, прижавшись к металлу носом, она увидела, что ворота закрывает строительная сетка. На улице было тихо и пустынно, словно и не второй по величине город в стране, бывшая столица. Хоть бы кто-то прошел мимо из 5 миллионов официальных жителей города на Неве. Никого!

– Эй, люди! Помогите мне! Есть тут кто-нибудь? – Звала Аня яростно, высунув нос в щель и уткнувшись им в пыльную и вонючую сетку.

Накрыло отчаяние. Угораздило же ее прийти сюда! И вот что теперь делать? Как выбираться из этого странного дома? От отчаяния захотелось реветь, хотя Аня была бойцом и «разводила сырость», как говорил папка, крайне редко. Почему именно с ней приключается всякая чепуха? Почему она не может как нормальный, среднестатистический человек просто приехать в любимый город, посетить лекции и умчаться назад, восторженно вспоминая поездку?

В прошлый приезд сюда она чуть не потеряла все вещи, едва не опоздала на поезд. Спасибо отзывчивым сотрудникам Московского вокзала и камерам видеонаблюдения, которые охотно ей помогли и выяснили, что оставленный ею рюкзак был отнесен уборщицей в комнату забытых вещей. Но такого с ней никогда не случалось. Целая череда неприятностей и дурацких случайностей, которые привели к закономерному итогу. И теперь она стоит здесь, в грязной подворотне перед заколоченными воротами, которые еще вчера были отперты и... Стоп! Иван, этот громила с выражением валенка на лице, как-то же пришел сегодня в квартиру Порфирия Игоревича. Но как, если с его прихода прошло не

больше чем 40 минут, а сетка и доски здесь как будто лет пять уже? Видимо, у него есть ключ от ворот в соседний двор. Проход в другой двор, точно! Как же она раньше не подумала? Аня выскочила из темной арки и практически бегом побежала к воротам. Амбарный замок все так же висел на воротах. Аня замерла посреди двора. Вариантов других не было – оставалось только идти к полоумной компании и договариваться.

Как там говорят психологи? Есть пять стадий принятия неизбежного – отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие? Она прошла уже три этапа. Нужно было идти и договариваться. Ведь, ворота сами себя не отопрут. А заодно и узнает, что они хотели от нее. И потому Аня вздернула нос и пошла к черной лестнице.

На счастье, никто не стал над ней подтрунивать. Когда Аня вошла в квартиру, троица все так же пила чай на кухне, о чем-то тихонько переговариваясь. Аня скинула кроссы и прямо в куртке прошла на кухню. Кашлянула, привлекая к себе внимание:

– Кхм... Порфирий Игоревич, ворота заперты, а мне нужно идти на конференцию. Пожалуйста, помогите мне выйти на улицу.

– Началось. – Неожиданно озадаченно сказала Ася. – А я думала еще есть время.

– Нет, времени не осталось, – с горечью констатировал Порфирий Игоревич. – На послезавтра назначен снос. Покажи, Иван.

Парень поднялся и прошлепал в коридор. Проходя мимо Ани, намеренно не увернулся, слишком близко притерся к ней в узком коридоре. Вернулся через минуту, бросив на стол рядом с перстнем сложенную газету.

Порфирий Игоревич развернул ту и ткнул указательным пальцем на маленькую заметку в самом низу второй страницы.

– Снос начнется послезавтра. Сегодня заколотили ворота.

– Дядя, – тревожно спросила Ася дядю. – Мы успеем сделать хоть что-нибудь?

– Асенька, душа моя, не стоит отчаиваться! – Попытался успокоить ее Порфирий Игоревич. – В конце концов, судьба оставила нам еще один шанс. – И посмотрел на Аню.

– Объясните мне, пожалуйста, почему выход закрыт? И как выбраться отсюда? И что за снос? Я ничего не понимаю. – Недоумевала Аня.

– Так тебе хотели все обстоятельно рассказать, но ты же ушла. А вот дослушала бы... – не удержался Иван.

Порфирий Игоревич строго посмотрел на того, и Иван замолчал как по мановению волшебной палочки.

– Аня, присядьте. Не хочу Вас огорчать, но вряд ли Вы успеете на свою конференцию. Кроме того, события приняли нехороший оборот и нам придется действовать уже сейчас. А посему Вам стоит выслушать меня. Я буду краток: нам катастрофически нужна Ваша помощь.

– Хорошо, объясните только, зачем вам я и что я должна сделать? – Аня опустилась на выдвинутый Аськой стул. Кажется, пятая стадия наступила, и она была готова поверить во все, что угодно, лишь бы очутиться подальше отсюда. А для этого приходилось идти на сделку.

Глава 13. Миссия (не) выполняема?

– Путешествуя между мирами, я выяснил одну особенность. В моем времени портал открывается в дворницкой служебной квартиры доходного дома на 5-ой Рождественской, а в

XXI веке мы всегда выходим в переднюю особняка на Галерной. Раньше вся эта квартира была частью нашего дома, но в советское время её поделили и сделали коммуналкой. Еще я понял, что проход открывается не всегда, а только в период полнолуния. Обычно это 2-3 дня. Опытным путем высчитал, что переместился примерно на 110 лет вперед. Понимаю, это звучит невероятно, но Вы просто пока послушайте. Если разрушат этот дом, то разрушится и портал, а значит, больше мы перемещаться не сможем, прохода не будет. Но, как и предрекало мне старое проклятье, я не могу задерживаться ни в одном из миров надолго. И здесь, и в XX веке на нас, тех, кто может проходить сквозь время, идет охота. Современные спецслужбы хотят знать, какие технологии позволяют это сделать. А ищейки из моего времени боятся всяких посягательств и магии. Они с удовольствием бы сами побывали здесь, чтобы понять, как изменится будущее, что станет со страной. А этого допустить никак нельзя. Именно поэтому нам крайне необходимо сохранить особняк. К сожалению, таких домов в Петербурге слишком много – требующих реставрации, поэтому наш особнячок на Галерной представляет, видимо, наименьшую ценность, – с горечью продолжал Порфирий Игоревич. – Поэтому против его сноса никто не выступает. Понимаете, Аня, мы пробовали разные способы – организовывали одиночные пикеты, обращались во все инстанции, собирали подписи. Но результата нет. Снос начинается через два дня. И за это время нам предстоит как-то попытаться решить эту проблему.

– Но как? И что должна сделать я? – Не понимала Аня.

– Всё просто, Аннушка. И одновременно сложно. – Попытался объяснить Порфирий Игоревич. – Вам необходимо пройти на ту сторону, добраться до особняка и оставить в камине письмо и драгоценности. Это письмо найдут, и дом будет спасён от разрушения. Пока историки изучат находку, пока то да се, дом будет стоять – сноса не будет. А дальше уже я пойду на приём к губернатору, найду инвесторов, которые бы выкупили дом и восстановили. Придумаю ещё что-нибудь. У меня есть определенные идеи на сей счет. Но сейчас время истекает. Не сегодня – завтра сюда прибудет техника и начнёт рушить особняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5gs>